УДК 94(470)"1917.03.23"

А. А. Смирнова

Национальные похороны жертв Февральской революции и деятели русской культуры

Описаны история организации похорон жертв Февральской революции и участие в них деятелей русской культуры и искусства. На основе использования недавно опубликованных документов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и материалов его печатного органа «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», а также малоизвестных мемуаров деятелей русской культуры и искусства выявлены контакты видных представителей художественной интеллигенции с возникшей в дни Февральской революции новой организацией рабочих и солдат – Петроградским Советом. Показано активное участие деятелей русской культуры и искусства в организации похорон жертв революции 23 марта 1917 г. на Марсовом поле и в разработке и сооружении памятника жертвам революции.

Ключевые слова: Февральская революция, деятели русской культуры и искусства, похороны жертв Февральской революции, Марсово поле

Alla A. Smirnova

National funeral of February Revolution sacrifices and representatives of Russian culture

The history of the organization the national funeral of the February Revolution sacrifices and the activity of the representatives of the Russian culture and art are described. Using the publication of documents of the Petrograd Soviet the workers and soldiers, materials of its organ «Information of the Petrograd Soviet workers and Soldiers» and memoirs of representatives of the Russian culture, the contact of the prominent representatives of artistic intellectuals with new organization of the workers and the soldiers – Petrograd Soviet are shown. The active participation of the representatives of Russian culture in the organization of Revolution's sacrifices funeral on Mars Field and in elaboration and construction of the Memorial of the Revolution sacrifices are also underlined.

Keywords: February Revolution 1917, representatives of Russian culture and art, National funeral of February Revolution 1917 sacrifices, Mars Field

23 марта 1917 г. в Петрограде состоялась грандиозная манифестация рабочих и солдат, которая была объявлена ее организаторами как «национальные похороны жертв революции»[1]. «В этом парадном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осознанно чувствовалось – да, русский народ совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу мира – строению новых и все более свободных форм жизни!» – писал М. Горький[2].

В организации «национальных похорон жертв революции» активное участие приняли деятели русской культуры и искусства, что нашло отражение и в отечественной исторической литературе[3]. Обращение к опубликованным теперь материалам Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его печатного органа «Известий» позволяют более полно выявлять контакты деятелей русской культуры с возникшей в дни Февральской революции новой организацией рабочих и солдат, показать их активную роль в развернутой кампании по подготовке похорон жертв революции в Петрограде.

4 марта 1917 г. известный русский художник и историк искусства А. Н. Бенуа записал в своем дневнике: «Очень выдающийся в моей личной жизни день. Я покинул свою „хату с краю“ и „пущен в коловорот“! Вытащил меня Гржебин, Добужинский, Петров-Водкин и больше всего сам Горький»[4]. В этот день по инициативе Горького на его квартире собрались деятели культуры и искусства с тем, чтобы определить свое отношение к новой революционной власти. «Пришли все званые, но пришли и незваные, пришли и такие, которых никто не знал в лицо, – писал в связи с этим собранием А. Н. Бенуа. – Всего набралось свыше сорока человек, и небольшая гостиная Алексея Максимовича оказалась набитой до отказа. Председателем, после того как я наотрез отказался, выбрали Рериха»[5]. На этом собрании была создана так называемая «Комиссия Горького», в которую первоначально вошли А. Н. Бенуа, М. Горький, М. В. Добужинский, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, И. А. Фомин, Ф. И. Шаляпин и др. На следующий день эта комиссия встретилась с членами Исполнительного комитета Петроградского Совета. В целях установления постоянной связи с деятелями культуры Исполком Совета ввел в свой состав двух представителей «Комиссии Горького»[6]. Один из них – член Общества архитекторов-художников Л. В. Руднев стал заведовать в Исполкоме Совета декоративной частью рабочих празднеств в Петрограде[7].

5 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые на своем общем собрании рассмотрел вопрос «О похоронах жертв революции и увековечении их памяти». В результате трехчасового обсуждения, материалы которого в протоколе этого заседания отражены лишь частично, была принята следующая резолюция: «Назначить днем праздника великого освобождения народа 10 марта. Похороны должны быть всенародные, общегражданские. Увековечить память жертв революции созданием памятника на Дворцовой площади. Праздник освобождения народа и похороны жертв революции должны быть совершены всем населением при участии всех частей Петроградского гарнизона, в полном составе при знаменах и музыке. Установить празднование этого дня в календарном порядке»[8]. По свидетельству участников общего собрания депутатов Петроградского Совета 5 марта, принятию этой резолюции предшествовало бурное обсуждение. Как отмечал в своей записной книжке депутат от 176-го запасного полка Ф. П. Матвеев, «одна часть Совета (в том числе и я) высказывает свое предложение, чтобы жертвы революции были похоронены на Дворцовой площади, так как там не раз проливалась кровь народа за идею освобождения. Кроме того, эта историческая площадь плацдарм встречи двух миров – аристократии и демократии, находится более в центре, чем Марсово поле (как мне помнится, за эту мысль выступала В. Засулич). Другая часть Совета высказывалась за похороны на Марсовом поле…»[9]. Принимавший активное участие в этом заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов член Московского Совета рабочих депутатов Л. М. Пумпянский, комментируя прозвучавшие предложения о захоронении жертв революции на Марсовом поле, в Казанском соборе, в Таврическом саду, Дворцовой площади, Знаменской площади и даже в Летнем саду, говорил: «Для солдат павших самое правильное место Марсово поле, рабочие желают Дворцовую площадь, где они пережили 9 января 1905 г. Я думаю, что исторически и символически вернее поставить памятник на том же месте или около того места, где сидела гидра дома Романовых»[10]. «Громадным большинством» депутатов Петроградского Совета памятником жертвам войны была избрана Дворцовая площадь[11].

В опубликованном на следующий день 6 марта 1917 г. постановлении Петроградского Совета о похоронах жертв революции указывалось: «1. Произвести 10 марта (пятница) торжественные похороны товарищей, павших за свободу и определить день 10 марта – первый день весны – днем воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой революции на все времена. 2. Местом братской могилы борцов за свободу определить Дворцовую площадь…»[12]. На это постановление в тот же день последовало обращение в Петроградский Совет видных деятелей искусства и культуры – А. М. Бенуа, И. А. Фомина, Н. Е. Лансере, М. В. Добужинского, И. Я. Билибина, Г. И. Нарбута, К. С. Петрова-Водкина, А. Н. Тихонова, М. Горького. Выступая от имени «Комиссии по делам искусств», они авторитетно заявляли, что «намеченное для погребения жертв великой борьбы за свободу место на Дворцовой площади едва ли избрано удачно, так как эта площадь с художественной точки зрения является вполне законченным архитектурным целым, не допускающим загромождения новыми памятниками». Со своей стороны, они предлагали для захоронения жертв Февральской революции «избрать Казанскую площадь, являющуюся местом многократных выступлений в пользу освобождения, или Марсово поле, где раздались первые выстрелы, возвестившие начало Великой революции»[13].

Предложение видных деятелей искусства и культуры о переносе места захоронения жертв революции с Дворцовой площади вынудило руководство Петроградского Совета и его Комиссию по организации похорон жертв революции вернуться к обсуждению этого вопроса, чтобы срочно найти его окончательное решение. 7 марта 1917 г. Исполком Петроградского Совета, заслушав доклад комиссии по организации похорон жертв революции принял ее предложение о необходимости отложить назначенные на 10 марта похороны жертв революции, а также признал: «возможным, чтобы М. Горький выступил на общем собрании с предложением перенести место похорон с Дворцовой площади на другое место»[14].

Вечером 7 марта М. Горький выступил на заседании рабочей секции Петроградского Совета, на котором председатель Исполкома Совета Н. С. Чхеидзе под бурные овации назвал «его человеком, вышедшим из рабочей среды» и показавшим, «какая мощь и сила заключаются в пролетариате»[15]. Выступивший со свойственной ему прямотой Горький сказал, обращаясь к рабочим депутатам: «Вы решили похоронить жертвы революции на Дворцовой площади. Неправильное решение. Почему в этой земле нужно закапывать свои жертвы? Потому что в Зимнем дворце <будет> Учредительное собрание? Комиссия архитекторов <признала Зимний дворец> непригодным для этой цели. Похороны – на Марсовом поле, на том месте, где раздались первые выстрелы Великой русской революции. Крупнейшие русские художники создали художественный комитет. В ходе агитации перед Учредительным собранием Комитет устроил бы ряд национальных праздников, открыл бы концерты. Делегировать <туда> двух-трех депутатов. Первый раз <такое> большое дело, приятно <осознавать>, как культурен русский пролетариат. Ни одна революция

не шла рядом с искусством. Вами же создается искусство»[16]. В поддержку мнения пролетарского писателя за пересмотр вопроса о месте захоронения жертв революции высказался один из рабочих депутатов, заявивший, что «великий подъем требует фундамент, а не кучу развалин»[17]. Выступивший затем с докладом от имени Комиссии по организации похорон жертв революции ее представитель отметил, что решение этого «сложного и важного вопроса» не может быть достигнуто в такие короткие сроки. Сославшись, с одной стороны, на поступившее мнение Комиссии архитекторов, заявившей о том, что идея воздвигнуть памятник на Дворцовой площади как архитектурное решение неприемлемо, он одновременно ознакомил собравшихся депутатов с уже представленными проектами памятников на Дворцовой площади. При этом докладчик заявил, что Комиссия по организации похорон жертв революции «согласилась с мнением архитекторов и художников, закончивших свои работы» и одобрила их план места похорон и устройства братской могилы[18].

Выслушав самые различные мнения и предложения, рабочая секция Петроградского Совета постановила отложить похороны жертв революции, а Комиссии по организации похорон – продолжить свою работу[19].

Полученные Комиссией по организации похорон полномочия, а также многочисленные резолюции от председателей художественного и архитектурного мира с мотивированными предложениями пересмотреть первоначальное решение о захоронении жертв революции на Дворцовой площади вынудило Комиссию провести общественное обсуждение этого вопроса. И на совместном собрании с представителями архитекторов и художников «Комиссия постановила предложить Совету рабочих и солдатских депутатов назначить место похорон на Марсовом поле»[20].

10 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов вернулся вновь к рассмотрению вопроса о похоронах жертв революции. Член Исполкома Совета Н. Д. Соколов, обращаясь к депутатам от имени Исполкома с просьбой пересмотреть прежнее решение, призвал принять во внимание прежде всего мнение специалистов. «Вопрос подлежал разрешению художниками, – сказал он. – Все самые крупные авторитеты – художественные критики, комиссия профессионалов под председательством Горького, Бенуа, Рерих, Билибин и т. д. <высказались против того>, если братская могила <будет> на Дворцовой площади. В пересмотр прежнего решения <предложено выбрать Марсово поле. Памятник должен быть> перед окнами Учредительного собрания. Зимний дворец не годится для Учредительного собрания… Художники просят на Марсовом поле, в ряду памятников великого дела народной свободы»[21]. Докладчик от Комиссии по организации похорон жертв революции, объясняя почему комиссия была вынуждена пересмотреть вопрос о месте захоронения, указал на главный фактор: «Поступает масса материалов от всех художественных и архитектурных обществ. Все общества и отдельные силы за то, чтобы похороны только на Марсовом поле…»[22]. Выступивший далее архитектор И. А Фомин, подтверждая, что «художники собирались в разных кругах и, не сговариваясь, неоднократно выносили одно и тоже решение по поводу перенесения места похорон жертв на Марсово поле», в первую очередь подчеркнул, что «главным поводом к этому решению послужило то, что события, ныне совершившиеся, настолько важны, настолько грандиозны, что и памятник этим событиям на месте похорон жертв должен быть грандиозным памятником и не должен заслоняться другими памятниками, рядом стоящими. Поэтому Дворцовая площадь, на которой уже стоит большой памятник – колонна, была признана неудобной. Мы выбрали ту площадь, которая совершенно свободна, грандиозную площадь Марсова поля, которая уже давно как художественными, так и общественными кругами еще в дни первой Думы назначалась для грандиозного здания русского парламента»[23].

В результате общее собрание Петроградского Совета 10 марта 1917 г. по предложению Исполкома Совета приняло решение о переносе похорон на Марсово поле и поручило Комиссии по согласованию с Исполкомом Совета назначить окончательный срок проведения похорон[24].

Постановление Петроградского Совета об устройстве похорон жертв революции на Марсовом поле Комиссия Горького расценила как свое большое достижение. А. Н. Бенуа записал в своем дневнике 10 марта 1917 г.: «Нашу Комиссию застал в приподнятом настроении, вызванном той победой, которую удалось одержать Фомину в собрании Р<абочих> и С<олдатских> Депутатов, состоявшемся в Михайловском театре. В сотрудничестве с передавшимся на нашу сторону Рудневым наш архитектурный маэстро смастерил огромные картины – проекты фантастических памятников „жертвам“, однако не на площади Зимнего дворца, а на Марсовом поле, и это произвело такое впечатление, что, наконец, „товарищи“ сдались и решили, что погребение состоится… И как раз тут же явился Шагал, встревоженный возложенным на него поручениям расписать знамена, которые должны фигурировать в погребальном шествии. Я убеждал его (и других) не впутываться в это дело, ибо и времени недостаточно (похороны назначены на 16-е), да и вообще такая задача не по силам „комнатным“ художникам. Однако Добужинский и Нарбут тут же размечтались о каком-то „море красных флагов“»[25].

15 марта 1917 г. Исполком Петроградского Совета постановил перенести похороны жертв революции на Марсовом поле на 23 марта «ввиду недостаточной разработки плана похоронной процессии»[26]. На следующий день в «Известиях» было напечатано сообщение от Комиссии по организации похорон: «Предполагавшиеся 17 марта похороны жертв революции вследствие сложности намеченного плана отложены. Подробный проект разрабатывается и будет в ближайшее время опубликован. О дне похорон будет сообщено особо»[27]. 21 марта «Известия», сообщив о том, что «национальные похороны жертв революции» назначены на 23 марта, напечатали на первой странице «Церемониал похорон жертв революции», в котором был подробно изложен план следования районных колонн к месту захоронения – Марсову полю. В «Церемониале», в частности, указывалось, что «в отношении декорации процессий, устройства флагов от отдельных заводов предоставляется полная инициатива районным и другим организациям»[28].

С раннего утра 23 марта сотни тысяч жителей Петрограда вышли на улицы и со всех окраин города организованные в колонны направились к Марсову полю. «Среди колышущейся массы выделяются организованные отряды рабочей гвардии с ружьями на плечах. Сереют шинели солдат, наших бравых товарищей, так много сделавших для освобождения исстрадавшейся родины. Они идут как целым отрядом, так и вперемежку с рабочей толпой… Революционная интеллигенция, давно связавшая свою судьбу с делом народа, также послала сюда своих лучших представителей. Особенно много заметно студентов»[29]. Известная художница А. П. Остроумова-Лебедева вспоминала: «Весь город вышел на улицы проводить погибших борцов за свободу, произошли грандиозные демонстрации. Много часов мы пробыли на улицах! Я все время рисовала среди толпы, движущейся бесконечным потоком. Сделала семь подкрашенных рисунков»[30].

Начавшееся с утра 23 марта со всех концов Петрограда шествие к Марсовому полю закончилось далеко за полночь. О масштабах и характере этой грандиозной манифестации можно судить по отчетам и репортажам петроградской печати, а также по сохранившимся кинофотодокументам[31]. «На Марсовом поле было вырыто четыре больших и глубоких могил. По краям, вдоль могил, развевались революционные траурные штандарты. При входе на Марсово поле реяло громадное красное знамя… Московский район доходит до Марсова поля только к 8 час. вечера. В это время все поле представляет собой необыкновенную, незабываемую картину. Все оно освещено рефлекторами и громадными факелами. В лучах рефлекторов реяли траурные знамена, высились колонны домов, одетые в красное, деревья Летнего сада имели волшебный вид…»[32]. По сведениям Петроградской печати, мимо братских могил в этот день прошло до одного миллиона человек. Во время митинга на Марсовом поле присутствовали члены Временного правительства и депутаты Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, видные деятели революционного движения, командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов, известные деятели культуры и искусства. Это впечатляющее шествие привлекло пристальное внимание и тех, кто в нем непосредственно не участвовал. По воспоминаниям сына известного писателя Леонида Андреева, в выставочных помещениях «Мира искусства», окна которых выходили на Марсово поле, «было много народу, и залы были переполнены шуршанием шагов и сдержанным шумом негромких разговоров. У одного из окон на низеньком табурете сидел художник в потертой юнкерской шинели и с невероятной быстротой набрасывал вид манифестации: возвышавшуюся среди поля многоярусную трибуну, черневшую народом, – здесь находились члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Государственной думы – и мимо, сплошною широкою лентою проходивших манифестантов. Красные флаги вздувались парусами в сером воздухе, и казалось, что ветер движет эту черную изгибающуюся реку. Невдалеке стоял Горький. Не отрываясь, он смотрел в окно, большой, чуть-чуть сутулый. Отец хотел было подойти к нему, но остановившись на полдороге, круто повернул и отправился в соседнюю залу»[33].

В апреле 1917 г. от имени Временного правительства было опубликовано постановление «воздвигнуть в Петрограде на средства государства памятник всем героям-борцам за свободу России, павшим жертвою в этой борьбе»[34]. Основное условие выработанной Обществом архитекторов-художников по поручению Исполкома Петроградского Совета программы конкурса состояло в том, чтобы убранство могил жертв революции, похороненных на Марсовом поле, носило «простой характер, без каких-либо монументальных сооружений»[35]. Однако при проведении конкурса его участники не были ограничены этим условием. 18 мая 1917 г. из одиннадцати проектов лучшим был признан проект Л. В. Руднева «Готовые камни»[36]. Сооружение памятника началось уже в 1917 г. Работы шли очень медленно. Это вызвало беспокойство Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который в июне 1919 г. принял специальное решение закончить памятник ко второй годовщине Октября. Непосредственное реализация этого решения было возложено на комиссию во главе с архитектором Л. А. Ильиным[37]. 7 ноября 1919 г. состоялось торжественное открытие мемориала, созданного по

проекту архитектора Л. В. Руднева, одного из тех, кто приложил немало усилий, чтобы похороны жертв Февральской революции состоялись именно на Марсовом поле.

Вполне естественно, что с открытием памятника встал вопрос о новом оформлении Марсова поля. Архитектор И. А. Фомин, в то время руководивший архитектурной мастерской «Бюро по урегулированию плана Петрограда», предложил изменить территорию вокруг памятника. А. Н. Бенуа поддержал идею создать на крупнейшей площади города сад. Художественный совет архитектурной мастерской просил М. В. Добужинского, А. П. Остроумову-Лебедеву и самого А. Н. Бенуа подготовить проект эскизов площади вокруг памятника. Свой эскиз представил и И. А. Фомин, он был признан лучшим[38].

1 мая 1920 г. в день массового субботника на Марсово поле пришли шестнадцать тысяч человек. Они прокладывали аллеи и разбивали площадки по чертежам И. А. Фомина. В тот день на площади было высажено шестьдесят тысяч деревьев и кустов[39]. Созданная тогда планировка Марсово поля сохраняется до сих пор.

Подводя итог, можно с полным основанием утверждать, что деятели культуры были не только инициаторами выбора Марсова поля местом захоронения жертв Февральской революции, но и в дальнейшем стали авторами монументального памятника революционной эпохи 1917 г.

Примечания

[1] Изв. Петроград. Совета рабочих и солдат. депутатов (далее Известия). 1917. 21 марта.

[2] Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 80.

[3] См., например: Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. М., 1988. С. 182–183; Шварц В. С. Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989. С. 159–180; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 44–45; Измозик В. С. День революционной скорби // История Петербурга. 2002. № 2 (6). С. 56–64; и др.

[4] Бенуа А. Н. Дневник, 1916–1918 гг. М., 2010. С. 136–137.

[5] Там же. С. 138.

[6] Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 180–181.

[7] Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М.: Совет. худож., 1983. С. 120.

[8] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: протоколы, стеногр. и отчеты, резолюции, постановления общ. собраний, собраний секций, заседаний исполкома и фракций, 27 февр. 25 окт. 1917 г.: в 5 т. / АН СССР, Ин-т рос. истории СССР, Ленингр. отд-ние; Центр. гос. арх. Окт. революции и соц. строительства Ленинграда; под общ. ред. П. В. Волобуева. Л.: Наука, 1991. Т. 1: 27 февраля – 31 марта 1917 г. / отв. ред. В. И. Старцев, Ю. С. Токарев; сост. Б. Д. Гальперина. С. 146.

[9] Матвеев Ф. П. Из записной книжки депутата 176 пехотного полка: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, март-май 1917 г. / Ленингр. ин-т истории ВКП (б). М.; Л.: Парт. изд-во, 1932. С. 19–20.

[10] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1. С. 144.

[11] Там же.

[12] Известия. 1917. 6 марта.

[13] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1. С. 158.

[14] Там же. С. 177.

[15] Там же. С. 180.

[16] Там же. С. 180–181.

[17] Там же. С. 181.

[18] Там же. С. 181–182.

[19] Там же. С. 182.

[20] См.: Отчет Комиссии по устройству похорон // Известия. 1917. 22 марта.

[21] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1. С. 230.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 243.

[24] Там же. С. 252.

[25] Бенуа А. Н. Дневник, 1916–1918 гг. С. 170.

[26] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1. С. 336.

[27] Известия. 1917. 16 марта.

[28] Там же. 21 марта.

[29] Из отчета о манифестации 23 марта 1917 г. в Петрограде // Известия. 1917. 24 марта.

[30] Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 1974. Т. 3. С. 16. По авторитетному мнению А. Н. Бенуа, А. П. Остроумова-Лебедева «создала под свежим впечатлением и, пользуясь набросками, сделанными по пути следования погребального шествия, целую серию очень удачных и очень выразительных акварелей, в которых главным пятном были жуткие, несомые на руках ярко-красные гробы» (Бенуа А. Н. Мой дневник, 1916–1917–1918 / пер. с фр., нем., англ., ит. и лат. Ц. Г. Арзаканяна; подгот. текста Н. И. Александровой, Т. В. Есиной; коммент. Н. И. Александровой, А. В. Ревякина (под общ. ред.); вступ. ст. Дж. Э. Боулта, Н. Д. Лобанова-Ростовского. М.: Рус. путь, 2003. С. 184.

[31] Измозик В. С. Указ. соч.; Чертилина М. А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отеч. арх. 2011. № 1. С. 45–51.

[32] Похороны жертв старого режима // Известия. 1917. 25 марта.

[33] Андреев В. Л. Детство. М., 1963. С. 177–178.

[34] Речь. 1917. 7 апр.

[35] Бирж. вед. 1917. 22 апр.

[36] Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 118.

[37] Шварц В. С. Указ. соч. С. 174–175.

[38] Лисовский В. Г. И. А. Фомин. Л., 1979. С. 114–115.

[39] Шварц В. С. Указ. соч. С. 179.